

AND 9

1982

WIENER
LAWISTISCHER
ALMANACH

EIGENTÜMER / HERAUSGEBER / VERLEGER

Aage A. Hansen-Löve
Tilmann Reuther

REDAKTION

Literaturwissenschaft:

Aage A. Hansen-Löve

Sprachwissenschaft

Tilmann Reuther
Gerhard Neweklowsky

REDAKTIONSADRESSE

Institut für Slawistik der Universität Wien,
A-1010 Wien, Liebiggasse 5, Tel. (0222) 4300-2934

ERSCHEINUNGSWEISE

zweimal jährlich im Umfang von je 300-400 Seiten

KONTEN

Zentralsparkasse und Kommerzbank Wien (BLZ 20151)
Konto Nr. 701 323 115

Postscheckamt München (BLZ 700 100 80),
Konto Nr. 120994 - 805

DRUCK

Offsetschnelldruck Anton Riegelnik,
A-1080 Wien, Piaristengasse 19

• WIENER SLAWISTISCHER ALMANACH

Alle Rechte vorbehalten

Владимир ВЬСОЦКИЙ, *Песни и стихи*, главный редактор - Борис Берест, составитель - Аркадий Львов, консультант - Рувим Рублев, Нью-Йорк: "Литературное зарубежье", 1981, 384 с.

Владимир ВЬСОЦКИЙ, *Нерв. Стихи*, составитель - Роберт Рождественский, Москва: "Современник", 1981, 237 с.

*Неужели такой я вам нужен
после смерти?*

(В.Высоцкий, "Памятник")

Два сборника стихотворений Владимира Высоцкого (1938-1980) - самого популярного в Советском Союзе автора-исполнителя песен, актера и поэта - появившиеся почти одновременно в США и СССР в 1981 году свидетельствуют о том, что, наконец, и издательские круги проявили интерес к творчеству рано ушедшего барда.

Скудная литература о современных советских бардах¹, как правило, лишена подробных библиографических данных. Целесообразно поэтому сказать несколько слов о самом Высоцком, об имеющихся публикациях его стихов и о пластинках с записями его песен.

На одном из концертов Высоцкий говорил о своих песнях как о "стихах, положенных на музыку для лучшего понимания их смысла". Вдохновленный ранним песенным творчеством Булата Окуджавы, которого он неоднократно называл своим "духовным отцом", Высоцкий в начале 60-х годов исполняет свои песни в сопровождении гитары сначала в узком кругу друзей, затем получает более широкую аудиторию, используя возможности многочисленных актерских встреч со зрителями. Гораздо быстрее многих других бардов Высоцкий завоевывает огромную популярность, особенно среди молодого поколения, которое узнает его голос, "отчаяннее сорванный" ("Памятник"), преимущественно по магнитофонным записям, а также из немногих кинофильмов.

Независимо от снисходительных оценок или открытого неприятия со стороны "блюстителей морали", выраженных в критических газетных статьях конца 60-х годов², популярность его среди самых разных слоев слушателей продолжает расти. В западном литературоведении такое массовое распространение литературных записей песен получило название "магнитиздат" (аналогично термину "самиздат"). Г.Свирицкий говорит о нем как о "магнитофонной революции"³. Без преувеличения можно сказать, что она во многом связана с именем Высоцкого.

Но несмотря на исключительную славу Высоцкого, включение его песен в кинофильмы и спектакли, а также выпуск пластинок наталкивались на разного рода препятствия. При жизни ему удалось услышать лишь одну большую (1979) и шесть маленьких пластинок (1968-1980), выпущенных в Советском Союзе, на которых записаны 25 песен, большей частью известных из советских фильмов. Кроме того, на пластинке с записью спектакля "Зеленый фургон" (1973) Высоцкий исполняет одну свою песню ("Нет друга, но смогу ли..."), а в 1978 году выпущен дискоспектакль "Алиса в стране чудес", для которого он написал более 20 песен. Что касается прижизненных печатных публикаций Высоцкого в Советском Союзе, то они исчерпываются одним единственным стихотворением в альманахе "День поэзии" (1975)⁴.

Итого
LB

Такое официальное полупризнание творчества Высоцкого в Советском Союзе усилило коммерческий интерес к нему на Западе, где при его жизни были выпущены шесть пластинок - из них три во Франции со студийными записями⁵, альбом из двух пластинок Нью-Йоркского концерта 1979 года, выпущенный в США без разрешения автора, а также одна (канадская?) "пиратская" пластинка с песнями 60-х годов, без указания места, года выпуска, фирмы. Кроме того, две песни Высоцкого звучат на израильской пластинке 1974 года "Неизданные песни русских бардов".

В 1977 году парижское издательство ИМКА-Пресс осуществляет издание комплекта, состоящего из 30 кассет записей "Песни русских бардов" в трех книгах текстов, составленных на основании расшифровки этих записей. В этом комплекте на 9 кассетах записаны 195 песен Высоцкого, а во втором издании 1978 года (40 кассет и 4 книги) количество его песен возрастает до 286 (13 кассет), не считая 13 песен других авторов, приписанных Высоцкому.

Большинство прижизненных публикаций стихов Высоцкого в зарубежных русскоязычных газетах и журналах не авторизованы; часто в качестве основы для них использовались несовершенные любительские записи, в силу чего тексты изобилуют ошибками и неточностями. Количество стихотворений, опубликованных с ведома автора, крайне незначительно. В 1979 г., в альманахе "Метрополь", запрещенном к изданию советской цензурой и напечатанном в том же году американским издательством "Ардис", появилось 17 стихотворений Высоцкого⁶. Кроме того, в каталоге выставки "Чрево Парижа" Михаила Шемякина приведено стихотворение "Туденош"⁷, а на обложке журнала "Третья волна" июнь 1980 - стихотворение "Осторожно! Гризли!"⁸.

В Советском Союзе сразу после смерти Высоцкого количество публикаций о его творчестве начинает расти. Публикуются первые серьезные статьи о его песенном и актерском творчестве⁹. Появляются в общей сложности 20 стихотворений в газетах и журналах⁹. В конце 1980 года фирма "Мелодия" выпускает вторую большую, а в следующем - еще две маленькие пластинки. 25 декабря 1981 г. впервые по Центральному телевидению СССР транслируется видеозапись телепрограммы двухлетней давности, в которой Высоцкий исполняет собственные песни.

Одновременно и за рубежом печатаются стихи Высоцкого¹⁰, появляются несколько новых пластинок¹².

Первыми знаменательными событиями в истории издания литературного наследия Владимира Высоцкого можно назвать выход в свет летом 1981 года американского сборника "Песни и стихи", а в конце года - советского сборника "Нерв". На их характеристике мы остановимся подробнее.

Объявление о готовящемся сборнике стихов и песен Владимира Высоцкого появилось в русскоязычной прессе США через полгода после смерти поэта. Такую оперативность можно было бы только приветствовать, если бы за ней стоял достаточный уровень компетентности составителей, не допускающий искажение подлинного творческого облика автора. Тем более, что задача заключалась не в "открытии" русскому читателю Высоцкого или ранее неизвестных его произведений (таких обнаружилось в его архиве свыше 200), а лишь в добросовестном перенесении на бумагу текстов песен, ранее неоднократно им исполнявшихся.

В предисловии (с.7-9), написанном составителем сборника Аркадием Львовым, утверждается, что песни Высоцкого - "законченные поэтические произведения большого мастера" и что "за кажущейся простотой и нарочитой примитивизацией [?] некоторых его произведений читатель увидит выдающегося поэта" (с.7). Такое заявление прежде всего предполагает уважительное, бережное отношение к творчеству "истинного поэта" (с.9), а также определенный филологический уровень подготовленности издателей.

Как мы увидим, составители и издатели сборника, к сожалению, часто довольствовались "энтузиазмом" там, где нужны были профессиональные знания и внимательная проработка текстов.

Сюрпризы начинаются с первой же строки вступительной статьи "От издательства", где нам сообщают, что Высоцкий умер в возрасте 43 лет (с.5), а не 42, как мы считали до сих пор. Далее, видимо для пущей солидности, издательство намекает на то, что "небольшой интерес представляют его дневники, путевые заметки" и что "пройдет немало времени, пока будут полностью опубликованы его архивы" (там же). Однако, из анализа предисловия, комментариев и самих текстов явствует, что составители книги вряд ли были допущены к материалам.

Не останавливаясь на подробном анализе других неточностей такого рода, отметим только, что о Высоцком впервые узнали не "в середине 50-х годов", как это утверждается во вступительной статье (с.5), а в середине 60-х годов; что его никогда не арестовывали "по ошибке" (там же); что Высоцкий ни разу не выступал "на закрытых концертах для партийно-правительственной верхушки" (там же); что его "творческое наследие" насчитывает не "свыше 350 песен и стихов" (с.6), а около 700 произведений. Не соответствует действительности и утверждение о том, что "в Балтиморе и Торонто концерты вообще не состоялись" (там же), - на самом деле концерт в Торонто записан на пластинке, выпущенной в Нью-Йорке. Наконец, вызывает удивление благодарность "за безвозмездное сотрудничество" Марине Влади и Михаилу Шемякину (с.6), близким людям поэта, которые публично выразили свое возмущение в ответ на выход из печати рецензируемого сборника.

Особо следует отметить утверждение издательства о "тщательной проверке всего [!] литературного наследия" Высоцкого и о таком же тщательном отсеивании всех песен, "к авторству которых Высоцкий не имел прямого отношения" (с.6). Как, в таком случае, объяснить факт включения в сборник известного романа "Поговори хоть ты со мной" (с.65), не менее известной песни "На Перовском на базаре... (а не "на Петровском", с.134), песни Михаила Львовского "На Тихорецкую состав отравится..." (с.82), Брехтовского зонга "Власть исходит от народа..." (с.88) и песни Г.Шпаликова "Ах, утону я в Западной Двине..." (с.90). И уж совсем анекдотично выглядит помещение в сборнике стихов В.Высоцкого широко известного стихотворения А.Вознесенского "Ода сплетникам" (с.86).

Нельзя, разумеется, не сказать о положительной стороне сборника, поместившего почти в три раза больше стихотворений (348), чем сборник "Нерв" (135), изданный на родине поэта. Однако, претензия составителей на то, что сборник "является первым отдельным полным изданием произведений В.Высоцкого" (с.7) - заявление весьма опровержимое, так как даже в магнитофонных записях сохранилось более 400 песен.

Скажем несколько слов о предисловии составителя сборника А.Львова. Вопреки его мнению, что "Баллада о детстве" не является буквально автобиографической" (с.8), хорошо известно, что песня имеет самую непосредственную связь с жизнью Высоцкого

- вплоть до мельчайших деталей: в ней приводятся реальные имена, адреса, события.

Отсутствие общего представления о периодах творчества Высоцкого и непонимание содержания многих песен проявляется в утверждении, что "уголовная тема" достигает у автора "наивысшего развития... в таких поздних [?] песнях, как: "Ошибка вышла", "Никакой ошибки", "Летела жизнь в плохом автомобиле", "Протои ты мне баньку по-белому" (с.8). Во-первых, в большинстве своем эти песни не имеют никакого отношения к так называемой уголовной теме, а во-вторых, и написаны они в разное время, например, "Банька по-белому" в 1967 г., т.е. в ранний период творчества. Также неясно, какой признак лежит в основе подборки последнего цикла стихов "Поздняя лирика" (с.9), поскольку в него включены песни и стихи, написанные на протяжении 13 лет ("Теперь я не из-бавлюсь от покоя..." - 1967 г., "И снизу лед, и сверху маюсь между..." - 1980 г.).

На с.9 мы читаем, что "Высоцкий в своих шуточных песнях из спортивной жизни... рассказывает о том, что представляет из себя советский, так называемый "любительский" спорт, ... одно из немногих развлечений, доступных рядовому человеку в СССР" (с.9). Эта фраза А.Львова не только наивна, но и совершенно здесь неуместна, ибо Высоцкий в этих песнях затрагивает широкий спектр тем и сюжетов, не имеющих порою прямого отношения к спорту, и вовсе не касающихся проблемы досуга советского человека (напр. "На дистанции четверка первачей...", "О сентиментальном боксере"),

Перечисление всех ошибок в текстах стихов заняло бы несколько страниц, поэтому мы не будем касаться таких моментов, как неудачная разбивка строк, произвольные названия песен, ошибочная пунктуация и др.

По вполне понятным причинам некоторых ошибок было трудно избежать, поскольку записи, по которым восстанавливались тексты, часто были не лучшего качества. Примером могут служить следующие неправильно разобранные строки: "Там на заре что надо мы добыли" (с.58) вместо авторского "В Анадыре что надо мы намыли" (речь идет о старателях); "Живу и не считаю ни побед, ни барышей" (с.57) вм. "ни потерь, ни барышей"; "Где конфеты, рестораны" (с.297) вм. "где кафе да рестораны" и др.

Некоторые ошибки связаны с неразличением глухих и звонких согласных: "этот свадебный кутёж" (с.41) вм. "гудёж"; "И в загранкомандировку от завода уходил" (с.165) вм. "угодил" [ууАдил] и совершенно бессмысленное "Эй, вы, парни мои жировые" (с.293) вм. "шировые", от жаргонного "ширать" т.е. вводить в организм наркотики путем инъекции, что становится ясным из контекста "Песни о палате наркоманов".

Ошибки в следующих примерах возникают уже не на уровне фонем, а в результате неправильного разграничения звучащего текста на слова: "Алеша выколлот твой образ на груди" (с.30) вм. "А Леша"; "Один мулла триптих запрятал в книги" (с.169) вм. "Один мулат триптих ...". Удачное авторское обыгрывание фразеологизма "семи пядей во лбу" в строках "Я был кудряв, но кудри истребили, / Семь пядей из-за лысины во лбу", на с.59 напечатано в искаженном виде "Семь пядей и зальсины во лбу".

Из-за небрежности составителей у читателя может сложиться впечатление, что "выдающийся поэт" (с.7) Высоцкий писал стихи, лишенные всякого смысла: "Жил я славно первый-третий" (с.127) - интересно, как это понимают А.Львов и "группа знатоков-энтузиастов" (с.6)? У Высоцкого же и в рукописи, и в исполнении: "Жил я

славно в первой трети" (своей жизни). Или: "У скиньи / Разлетелася корона..." (с.276) - какое отношение имеет слово "скиньи"¹³ к содержанию песни "В куски / разлетелася корона...?"

В ряде случаев, по воле составителей, Высоцкий представлен как поэт, незнакомый с законами стихосложения. Стихотворение "Я сам с Ростова, а вообще подкидыв", написанное пятистопным ямбом, в сборнике начинается со слов "Я вообще подкидыв / И мог бы быть с каких угодно мест" (с.57). Если последние две ошибки еще можно объяснить отсутствием первых слов в некоторых записях, известных также и автору этих строк, то никак нельзя оправдать многочисленные изменения авторского текста, разрушающие стихотворный размер: "Можно только кусок неба, можно только сны" (с.26) вм. "Можно только неба кусок ..."; или "А теперь они рекорды бьют / Все едят и целый год пьют" (с.229) вм. "А теперь они рекорд бьют / ..."; "Вот у него судорога, шок, но уже интервью" (с.159) вм. "Судорога, шок, но уже интервью" и многие другие.

В иных примерах Высоцкий выглядит автором, весьма небрежно относящимся к рифме, в то время как он придерживался традиционных норм рифмообразования и не мог, следовательно, рифмовать: "Вести с полей или южных гектаров / Или еврей, возвергившийся (?) к нем" (с.159) вм. "Вести с полей или Южный Вьетнам" или еврей, вновь вернувшийся к нам". Вопреки всем стихотворным нормам первая строфа песни о знаках Зодиака напечатана следующим образом:

Неправда, над нами не бездна, не мрак, -
Каталог наград.
И любимся мы на ночной зодиак,
На вечное танго созвездий. (с.220)

вместе авторских второго и третьего стихов:

Каталог наград и возмездий
Любуемся мы на ночной Зодиак...

Многие орфографические ошибки, как например: "Скушных (с. 133) вм. "сучных", "джинн" (с.138) вм. "джин", "гомор-содом" (с.377) вм. "Гоморр-Содом", "Ану" (с.299) вм. "А ну" и др. ускользают от внимания тех, чьи имена украшают титульный лист сборника. Весьма спорной является орфография некоторых просторечных слов и форм, таких как: "совейский" (с.52), "стерва" (с. 29), "путают" (с.341), "уйдётся" (с.242). На наш взгляд, особенности произношения автора-исполнителя при стилизации речи отдельных персонажей не должны слепо переноситься в печатный текст стихотворений. Как нам кажется, сохранение диалектизмов или жаргонизмов оправдано только в таких случаях, когда нормализация затрагивает элементы стихосложения. Поэтому для сохранения рифмы "Вань - Еревань - отстань" нельзя не согласиться с орфографией "Еревань" (с.173), равно как и для сохранения стихотворного размера написание "последне" и "мине" в строках:

Но в последнее время чтой-то замечаю,
Что ты стала мне слишком часто изменять. (с.29)

С проблемой стихотворного размера связан также вопрос о целесообразности включения в печатный текст вводных слов "мол", "скажет", "говорит"¹⁴ (Inquit-Folmen), а также "конечно", "правда", "правильно", "ведь" и др., часто вставляемых в основной текст песен при исполнении. Нижеследующие два стиха песни "О конькобежке на коротких дистанциях":

Я, грит, болен, бюллетень мол, нет сил. И сгинул.
Вот наш тренер мне тогда и предложил: беги, мол. (с.182)

показывают, что для сохранения рамера шестистопного хоря с цезурой нужно было бы - в соответствии с другими записями и с рукописью - изменить первый стих следующим образом:

Я, мол, болен, бюллетень, нету сил. И сгинул.¹⁵

Отметим также, что во втором стихе вышеприведенного двустишия, перед нами пример обоснованного сохранения слова "мол", выступающего как часть составной рифмы "сгинул - беги, мол".

Комментарии к стихам (с.359-371), составленные тем же А. Львовым, показывают его полную неосведомленность в фактах, связанных с жизнью и творчеством Владимира Высоцкого. В песне "Пока вы здесь в ванночке с кафелем... (с.40) в иронической форме рассказан действительный случай, описанный в советской прессе, когда врач на антарктической станции был вынужден сам себе сделать операцию аппендицита, и потому утверждение комментатора о том, что такого рода случаи - "не редкость в лагерях" (с.360) по меньшей мере смешно и неуместно. Некомпетентность, сочетающаяся с ложной тенденциозностью, отличает и комментарии к песням на сс. 50, 104, 142, 144, 215. История создания за три дня (!) тридцати (!) песен к спектаклю "Алиса в стране чудес" (с.368 - комм. к с.259) не соответствует действительности. В песне "Театрально-тюремный этюд на таганские темы" речь идет не о спектакле "Павшие и живые" (см. комментарий к песне на с.335), а о запрещенном спектакле "Живой" и о пьесе "Деревянные кони", поставленной к десятилетию театра на Таганке. В этой же песне у Высоцкого упоминается не Войнович, а "Можайч", т.е. Борис Можаяев, автор повести "Живой". В комментарии к с.343 высказывается предположение, что стихотворение "Тушеноши" написано Высоцким под впечатлением от картины Сутина "Мясная туша", в то время как оно помещено в каталоге выставки Михаила Шемякина "Чрево Парижа" и относится непосредственно к ней¹⁶.

Непростительной бестактностью издателей сборника является соседство на развороте сс.348-349 фотографии семьи покойного у гроба и текста песни со словами "На мои похороны съехались гаммири" (здесь и далее курсив наш - Х.П.). В подписи под фотографией сообщается о двух сыновьях Высоцкого и Влади, хотя, как известно, общих детей у них не было. И наконец, сентиментальное посвящение последнего стихотворения - "Марине - единственной, которую я любил" (с.358) не обнаружено в рукописи самого Высоцкого.

Выход в свет первого в СССР сборника стихов В.Высоцкого под названием "Нерв" показывает, что невозможно умолчать о нем полностью, и поэтому представителям официальной культуры приходится втискивать часть его поэтического творчества в прокрустово ложе соцреализма для того, чтобы могла появиться в печати небольшая книжка стихов. О том, насколько половинчатой является эта попытка, говорит тот факт, что из без малого 700 сохранившихся стихотворений, лишь 135 были включены в сборник. И хотя среди них мы находим 14 произведений ранее неизвестных, в книге отсутствуют такие шедевры как: "Охота на волков", "Баллада о детстве", "Банька по-белому", "Чужая колея", "Правда и ложь", "Побег на рыбок", "Райские яблоки", "Памятник" и др. Но и те стихи, которые опубликованы, едва ли попадут в руки миллионов любителей творчества Высоцкого, ибо большая часть на первый взгляд значительного

тиража в 55.000 экземпляров предназначена для продажи за рубежом¹⁷.

Из вступительной статьи "От составителя" (с.3-14), которым оказался известный в СССР поэт Роберт Рождественский, читатель ничего не узнает о принципах составления книги, отбора текстов, выбора вариантов, а также о специфике жанра авторской песни. Лишь в нескольких строчках, предпосланных примечаниям в конце книги, говорится об ответственной миссии, взятой на себя издателем и составителем, выбрать "из многих вариантов одних и тех же стихотворений, строф и строк... наиболее совершенные в художественном отношении" (с.230). Естественно напрашивается вопрос: по каким критериям?

О поэтическом творчестве Высоцкого поэт Р.Рождественский ничего не говорит. Его больше заботят какие-то "посмертные друзья" поэта (с.3), "мещанствующие снобы", якобы распускавшие при жизни Высоцкого "нелепые, почти фантастические сплетни и слухи" о нем (с.9). С пафосом говорит он о своей, Рождественского, ненависти к "публике так называемых престижных премьер" (там же), всячески бранится и, можно подумать, сводит какие-то личные счеты с этой публикой, что к пониманию феномена Высоцкого, особенностям его творчества и причин его славы не имеет ни малейшего отношения. Вместо ожидаемого настоящего анализа поэзии Высоцкого, мы получаем пустые утверждения о его "интонационной и психологической достоверности" (с.5), о том, что Высоцкий "никогда не стоял над зрителями" (с.8), что его выступление в Париже в 1977 г. в составе "солидной компании" советских поэтов - "не точка, а яростный и мощный восклицательный знак" (с.13), что у Рождественского есть "свой Высоцкий" (с.4). Остается только удивляться, что составитель книги, уже много лет ведущий телевизионную передачу "Документальный экран", до сих пор не успел сказать телезрителям об этой своей маленькой тайне.

Общий тон вступительной статьи пытается внушить читателю, что творческая судьба Высоцкого складывалась весьма гладко и бесконфликтно: "Он был невероятно популярен. Достать билет на его выступление было намного труднее, чем "пробиться" летом в сочинскую или ялтинскую гостиницу" (с.8). Однако, не следует забывать о том, что организаторам концертов Высоцкого часто приходилось на свой страх и риск камуфлировать их под видом лекции от общества "Знание", "Общества книголюбов" и т.п., а для Высоцкого-певца советское радио и телевидение¹⁸ при жизни и вовсе были закрыты. В предисловии мы находим и обязательное указание на неравноценность его стихов: "Он написал много песен. И, конечно, не все они ровные." (с.8)¹⁹.

Но оставим Рождественского и обратимся к Высоцкому. Распределение песен по тематическим циклам весьма сомнительно. Заглавия "Занозы", "Знаки Зодиака", "Черное золото" - не более чем общая шапка, поверхностно объединяющая совершенно разнородные по сюжетам, содержанию и настроению песни. К примеру, единственным признаком, который может как-то связать восемь песен цикла "Бег иноходца", является упоминание в них о животных. Столь же неудачно, на наш взгляд, объединены четыре песни под общим заглавием "Дела семейные" (с.90-96). Редакторское распределение песен в сборнике никак нельзя оправдать редкими попытками самого Высоцкого условно отнести некоторые песни к определенным темам, что чаще всего делалось с целью маскировки их подлинного содержания.

Многие широко известные авторские названия песен изменены

по усмотрению редактора: "Песня о России", в которой актуальности замысла, озаглавлена как "Песня о петровской Руси" (с.100), несмотря на существование авторского варианта - "Купола"; продолжение песни "Охота на волков", не помещенной в сборнике, вероятно, по цензурным соображениям, переименовано в "Балладу о волчьей гибели" (с.191), хотя Высоцкий называл эту песню на концертах "Охота с вертолета или: Где вы, волки?", всегда отмечая, что она является завершением "Охоты на волков". Песню, озаглавленную редактором "Сон" (с.213), автор называл "Моя цыганская", и совсем уж непонятно, с какой целью "Милицейский протокол" превратился в "Объяснительную записку в милицейском протоколе" (с.134). Ряд песен дан вообще без названий, хотя таковые существуют или в публикациях, или в концертах: с.51 - "Ах, да! среда!", с.112 - "Песня о переселении душ", с.129 - "Второе я" и др.

Вершиной редакторского произвола в организации книги можно считать само название. Слово "нерв", неудачно вырванное из контекста песни "Канатоходец", на наш взгляд, искажает суть творчества Высоцкого, не говоря уже о том, что его графическое решение на лицевой стороне обложки (художник - В.Вагин) производит просто отталкивающее впечатление.

Работа издателей над текстами и записями Высоцкого представляется явно недостаточной и во многих случаях крайне небрежной из-за отсутствия какого-либо единого принципа воспроизведения песен в стиховой форме. Бросается в глаза неудачная редакторская разбивка текстов на строки (сс.53,103,142), нередко отдельные строки или строфы произвольно пицуются в виде "лесенки" (сс. 83,117,188). Во многих случаях не устранены повторы, относящиеся только к авторскому исполнению (сс.41,96) и нарушающие при перенесении на бумагу стихотворный размер (сс.25,55). Непоследовательно решается вопрос нормализации просторечия в поэтическом языке Высоцкого-исполнителя: в одной и той же песне мы находим, с одной стороны, орфографию "ндравится" (с.216) вместо "нравится", а с другой - "пб сто пью" (с.21), хотя для сохранения омонимической составной рифмы целесообразнее было бы употребить просторечное "только пб сту пью - тяжелой поступью"²⁰. Приятно удивляет традиционное написание слов "Бог" (сс.35,36,62) и "Господь" (сс.100,101) с большой буквы, хотя в этом же сборнике слово "Бог" в большинстве случаев написано с маленькой буквы (сс.39,128,185,191,228).

Как в американском сборнике, так и в советском целый ряд ошибок можно объяснить трудностью реконструкции текстов по записям. Начало песни "Моя цыганская" напечатано как "Сон мне: желтые огни..." (с.213) вместо авторского "В сон мне..."; а неправильный повтор первой и последней строк первой строфы песни "Холода" в виде "Холода, холода" (с.160) искажает смысл всей строфы: "В холода, в холода / от насиженных мест / нас другие зовут города, / будь то Минск, будь то Брест / в холода, в холода".

Другие ошибки, приводящие к искажению смысла авторского текста, трудно объяснить только плохим качеством записей. Четвертый стих предпоследнего четверостишия "Баллады о времени" в авторском исполнении звучит: "если другом надежно прикрыта спина", а в сборнике напечатано "если духом надежно прикрыта спина" (с.208). В строках

где такие злые бесы
чуть друг друга не едят

редакторская замена слова "чуть" союзом "что" (с.86) изменяет смысл строки на противоположный. Здесь же, вместо авторского

А мужик, купец и воин,
попадал в дремучий лес

читаем:

А мужи - купец и воин -
попадали в темный лес. (с.86)

Подобные ошибки редактора встречаются на с.134 ("Ну разойтись" я сразу согласился" вместо "На разойтись" ..."), с.47 ("А где-то солдат еще в сердце осколком толкало" вм. "А где-то солдатака ..."), с.213 ("Свет и тьма" вм. "Света тьма") и т.д.

Хотя явных бессмыслиц, возникших случайно или умышленно в процессе небрежного редактирования текста в сборнике "Нерв" меньше, чем в американском издании, однако и здесь встречаются такие очевидные нелепости, как в стихотворении "Чту Фауста ли, Дориана Грея ли ...":

чтоб я не ждал, чтоб вороны не реяли
и ангелы чтоб жалобно не блеяли. (с.228)

По-видимому, редактор не был знаком с текстом парижской публикации этого стихотворения, где - при неправильном воспроизведении начальной строки "Что Фауста ли ..." - по крайней мере ангелы не блеют:

...чтоб вороны не реяли
И чтобы агнцы жалобно не блеяли.²¹

В отличие от сборника "Песни и стихи", советское издание изобилует произвольными изменениями частей текстов, за которыми нередко скрывается вмешательство со стороны редактора по цензурным соображениям. Следующий пример показывает, как замена одного синсемантического слова другим, кажущаяся на первый взгляд несущественной, в значительной степени "смягчает резкое высказывание автора:

А вдруг - в костер?! И нет во мне
шагнуть к костру сил.
Мне будет стыдно, как во сне,
в котором струсил.
Но скажут мне: - Пой в унисон,
жми что есть духу! .. -
И я пойму: вот это сон,
который в руку.

Вместо недвусмысленно повелевающего авторского "но", мы читаем в советском сборнике безобидное "Иль скажут мне..." (с.215). По-видимому, подобными соображениями руководствовался редактор, заменяя авторское

Я буду посещать суды, как зритель,
и в тюрьмы заходить на огонек

на "и к судьям заходить на огонек" (с.130).
Острое звучание начала "Песни о госпитале"

Жил я с матерью и батей
на Арбате, здесь бы так

снято придуманным редакторским вариантом "век бы так" (с.31).
Руководствуясь стремлением "представить читателям прежде

всегда Высоцкого-поэта" (с.230), редактор В.Мухин и поэт Р.Рождественский сочли нужным самостоятельно исправить и довести до "художественного совершенства" отдельные строки и варианты первой строфы ранее опубликованного в газете "Советская Россия" стихотворения "Высота":

Вцепились они в высоту, как в свое,
Огонь минометный, шквальный,
А мы все лезли толпой на нее,
Как на буфет вокзальный.²²

Не считаясь с авторским вариантом двух последних строк:

Свинец и железо кромсали ее,
словно кулич пасхальный

а также вариантом этой строфы:

Вцепились они в высоту, как в свое,
огнем высоту поливая.
А мы упрямо ползли на нее
товарищей оставляя

их заменяют следующими, не принадлежащими Высоцкому, строками:

Но снова мы лезли, хрипя, на нее -
за вспышкой ракеты сигнальной (с.23).

Изменяя отдельные строки и производя замены слов, редактор, ничтоже сумняшеся, разрушает то рифму:

...Так сумею исцелиться я
из запоя скоро выйду я..."
И пошли домой патриции
Марку пьяному завидуя (с.94)

У Высоцкого составная рифма "исцелиться и - патриции", то стихотворный размер:

Сто сарацин убил во славу ей,
прекрасной даме посвятил я сто смертей (с.94)

вместо авторского шестистопного ямба первого стиха:

Сто сарацинов я убил во славу ей²³.

А в строке

Там сидел за столом на месте моем (с.39)

разрушен авторский четырехстопный анапест и не использован ни один из трех вариантов Высоцкого:

Там сидел за столом и/он/да на месте моем
неприветливый новый хозяин...

Можно было бы продолжить перечисление ошибок такого рода, но это излишнеотяжелило бы нашу статью.

Нельзя не отметить еще одного, мягко говоря, недостатка: некоторые стихотворения печатаются не полностью. Трудно, например, понять, почему редактор исключил последнюю строфу песни "Она была чиста, как снег зимой..." (с.170), которую автор заканчивал следующими словами:

Москва слезам не верит и слезинкам,
ни взять мне нечего, но нечего и дать.²⁴
Спешу навстречу новым поединкам,
И, как всегда, намерен побеждать.

А в песне "Там дымно..." (с.140) редактор исключает трижды повторяемый припев, органически связанный со всем содержанием песни:

Все нужные ноты давно сыграли,
сторело, погасло вино в бокале.
Минутный порыв говорить пропал,
и лучше мне молча допить бокал.²⁵

Последняя строфа известной песни "Альпийские стрелки" (с.24)²⁶ также опущена. А распределение строф в "Песне Додо" (с.66) из спектакля "Алиса в стране чудес" не соответствует ни авторскому исполнению, ни рукописи, где начинается со слов "Много неясного в странной стране...".

Примечания, помещенные в конце книги, занимают всего две страницы и ограничиваются указаниями на фильмы и спектакли, в которых исполнялись отдельные песни. Редакторы явно экономят место, не упоминая о том, что большая часть "заказанных" песен так и не прозвучали в них, а фильм "Последний жулик" вообще был запрещен (с.231). Песня "Кто-то высмотрел плод..."²⁷ написана для кинофильма "Бегство Мистера Мак-Кинли", а не для дискоспектакля "Алиса в стране чудес" (с.232).

Лишь в нескольких случаях в малосодержательных примечаниях приводятся слова и обороты, встречающиеся в текстах. Среди них мы находим как редкое толкование выражения "Надя с шоколадом" (с.230), так и неправильный в данном контексте перевод английского приветствия "хау ду ю ду?" русским "как дела?" (с.231).

На последней странице сборника "Нерв" дается краткая библиографическая справка в 13 строк (с.233) с перечислением литературных публикаций Высоцкого в СССР, однако умалчивается тот факт, что за исключением одного стихотворения в "Дне поэзии", все они появились в печати лишь после смерти поэта.

Какие выводы напрашиваются из нашего разбора?

Сам факт выхода из печати двух рецензируемых сборников нельзя, разумеется, не приветствовать. Интерес к творчеству Высоцкого огромен, и любая публикация его произведений будет встречена с радостью, особенно в том случае, если к изданию будут приложены кассеты или пластинки. Вместо сделанных наспех дилетантских перепечаток случайных записей, необходимо полное, научно проверенное и тщательно подготовленное издание.

При подготовке такого издания необходимо, на наш взгляд, решить ряд принципиальных вопросов, связанных со спецификой жанра авторской песни вообще и с отличиями автора-исполнителя Высоцкого, в особенности. О некоторых трудностях редактирования поэтическая графика, орфография просторечных слов, вводные слова и пр. мы уже упомянули в настоящей статье. Помимо этого, одной из главных проблем при составлении текстов такого рода является выбор основного варианта из множества сохранившихся в рукописях и записях.

Только полное собрание стихотворений Высоцкого с указанием всех вариантов и подробными комментариями к песням может служить надежной основой для дальнейших исследований его творчества, которое своей многоплановостью привлекает к себе внимание не только

Лк

литературоведов и лингвистов, но и социологов, историков и культуроведов. Систематическое изложение принципов издания песенных текстов будет дано рецензентом в готовящейся диссертации о поэтическом творчестве Владимира Высоцкого.

*

В заключение автор статьи сердечно благодарит своих друзей, ознакомившихся с текстом в рукописи и сделавших ряд ценных замечаний.

Примечания

1. Напр. Г.СВИРСКИЙ, *На лобном месте. Литература нравственного сопротивления*, Нью-Йорк 1979, с.463-488; Ю.МАЛЬЦЕВ, *Вольная русская литература*, Frankfurt/Main 1976, с.302-325.
2. Напр.: Р.ЛЫНЕВ, "Что за песней?"; - *Комсомольская правда* 16 июня 1968; Г.МУШТА, А.БОНДАРИК, "О чем поет Высоцкий?"; - *Советская Россия*, 9 июня 1968.
3. Г.СВИРСКИЙ, *На лобном месте*, с.463.
4. В.ВЫСОЦКИЙ, "Из дорожного дневника", в кн.: *День поэзии 1975*, М. 1975, с.139. Это стихотворение никогда не исполнялось автором на концертах.
5. По одной пластинке выпустили фирмы *Le chant du monde* (1976), *RCA* (1977) и *Poludor* (1978).
6. *Метропол*, М. 1979, с.17 и 189-214.
7. Mihail CHEMAKIN, *Ventre de Paris*, Paris 1977.
8. Ю.КАРЯКИН, "О песнях Владимира Высоцкого", - *Литературное обозрение*, 1981, № 7, с.94-99; Н.КРЫМОВА, "О Высоцком", - *Аврора*, 1981, № 8, с.98-115. Кроме того, имеются многочисленные статьи в различных областных газетах. Специальный выпуск московского машинописного журнала "Клуба самостоятельной песни" *Менестрель* (август-сентябрь 1980) посвящен творчеству Высоцкого.
9. *Литературная газета*, 8 октября 1980; *Советская Россия*, 19 октября 1980; *Дружба народов*, 1981, № 5, с.269-270; *Литературная Грузия*, 1981, № 8, с.57-61; *Москва*, 1982, № 1, с.166-169; *Дружба народов*, 1982, № 1, с.136-141.
10. Напр.: *Третья волна*, сентябрь 1980, с.5-9; *Русская мысль*, 27 августа 1981; а также некоторые публикации в русскоязычной прессе США.
11. Напр.: В.ДЕЛОНЕ, "Нет меня, я покинул Россию", - *Континент*, № 26, 1980, с.167-174; П.ЛЕОНОВ, *Владимир Высоцкий и другие*, Нью-Йорк, 1981..
12. Vladimir VYSOTSKY, *Concert in Toronto*, recorded live 4.12.79, Kismet Record C.O., New-York, 1981. - Vladimir VISSOTSKI, *Le vol arrête* (2 пластинки), *Le chant du monde*, Paris 1981. Владимир ВИСОЦКИ, *Автопортрет*, Балкантон, 1981. - В 1982 г. в США вышел альбом из двух пластинок, с которым автор этих строк, находясь в Москве, еще не смог познакомиться.

13. У Даля, "скинья" толкуется как "куща, сѣнь, шатерь; походная церковь израильтянь.." см. В.И.ДАЛЬ, *Толковый словарь живого великорусского языка*, изд. 3-е, т.4, СПб.-М., б.г. стб.183.
14. При исполнении чаще всего произносится как /грит/.
15. См. сб. *Нерв*, с.116, где стихотворение печатается с правильной разбивкой.
16. См. ссылку 7 настоящей рецензии.
17. В Москве книгу оказалось возможно купить только в валютном книжном магазине (т.н. "Березка"), в количестве одного экземпляра "в одни руки".
18. Кроме показа по ТВ кинофильмов, в которых Высоцкий исполняет свои песни.
19. См. подобные высказывания в примечаниях к публикациям в *Литературной газете* (8 окт. 1980) и в журнале *Москва* (№ 1, 1982).
20. Написание "пó сту пью" соответствует рукописи Высоцкого.
21. В.ВЫСОЦКИЙ, "Две просьбы", - *Третья волна*, сентябрь 1980, последняя страница обложки.
22. В.ВЫСОЦКИЙ, "Сквозь огневую полосу. Стихи", - *Советская Россия*, 19 окт. 1980, с.4.
23. Кроме того, авторское нарушение литературной нормы употреблением "сарацинов" вм. "сарацин" придает речи рассказчика определенную стилистическую окраску.
24. Вариант второго стиха: "Но не намерен больше я рыдать."
25. Существует несколько вариантов этой строфы, см. напр.: *Песни русских бардов*, Париж 1978, серия 4, с.53; В.ВЫСОЦКИЙ, *Песни и стихи*, с.74.
26. См. В.ВЫСОЦКИЙ, там же, с.198.
27. Авторское название в рукописи: "Не - до".

Heinrich PFANDL (Graz)